

● МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ ВО ВРЕМЯ «ФАНКОНА» — «ФЕСТИВАЛЯ ФАНТАСТИКИ, КОНКУРСОВ И КОНЦЕРТОВ», КАК НАЗВАЛИ ЕГО УСТРОИТЕЛИ, ЗАДУМАВШИЕ СОБРАТЬ В ОДНОМ ГОРОДЕ И В ОДНО ВРЕМЯ ТЕХ, ЧЬЕ УМЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВЫХОДЯЩИМ ЗА ПРЕДЕЛЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ: ПАРАПСИХОЛОГОВ, ЭКСТРАСЕНСОВ, ГИПНОТИЗЕРОВ, ВРАЧЕВАТЕЛЕЙ... НО ДЛЯ МЕНЯ ИЗ ВСЕЙ МНОГООБРАЗНОЙ ПРОГРАММЫ ФЕСТИВАЛЯ САМОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ОКАЗАЛАСЬ ИМЕННО ЭТА ВСТРЕЧА. НЕВЫСОКОГО РОСТА, ХУДОЩАВЫЙ, С МЯГКИМИ ДВИЖЕНИЯМИ, С ВЫЗЫВАЮЩЕЙ ДОВЕРИЕ И ПРИЯЗНЬ УЛЫБКОЙ... ПРАВДА, ОТМЕЧАЮ ПРО СЕБЯ, УЛЫБКА ПОЧЕМУ-ТО НЕ СЛИШКОМ УВЕРЕННАЯ, ДА И САМ ОН, СКРОМНО ДЕРЖАЩИЙСЯ, СПОКОЙНО ГОВОРЯЩИЙ, СРЕДИ ГРОМОГЛАСНОЙ АКТЕРСКОЙ БРАТИИ ВЫГЛЯДИТ «БЕЛОЙ ВОРОНОЙ».

НА ОТЦА ОН ПОХОЖ: СУЖУ ОБ ЭТОМ ПО ФОТОГРАФИЯМ,

А ВОТ НА ДЕДА — НИ КАПЛИ. АЛЕКСАНДР БУРДОНСКИЙ — ВНУК СТАЛИНА, И НИКУДА ЕМУ НЕ УЙТИ ОТ ЭТОГО.

Кеша Мавзильский знает. - Киев. - 1990. - 9 сент. - с. 6

«УДИВЛЯЮСЬ НАИВНОСТИ...»

**Внук Сталина
Александр
БУРДОНСКИЙ:**

— Как вы относитесь к своему происхождению!

— Не могу же я от него откеститься, да и не собираюсь этого делать. Предков ведь себе не выбираешь, правда? Кстати, меня дважды приглашали сыграть в кино роль деда: Сергей Бондарчук в «Красных колоколах» и Владимир Наумов в новом фильме «Закон». Наумов даже пробу назначил: приехала девочка-ассистент и, увидев меня, не удержалась: «Да какой же вы Сталин! Вы добрый!»

— Вас не задевает, что я интересуюсь не столько вами, — личностью, человеком интересной профессии, определенного душевного склада, взглядов на жизнь, — сколько внуком Сталина!

— Уже нет... К тому же за последнее время я встречался — от Японии до Америки — с таким количеством разных людей и слышал столько вопросов... Я отдаю себе отчет в том, что интерес ко мне — проявление прежде всего любопытства, а с другой стороны — стремления понять какую-то истину или человеческую природу. Это закономерно. А мне порой хочется говорить, поскольку я так устроен, что все время думаю, анализирую, а когда что-то пронзишь вслух, то этим как бы освобождаешь себя, разряжаешься. Ибо, поверьте, жить мне психологически довольно непросто...

— Мое любопытство в данном случае — это любопытство наших читателей, которые хотят знать правду «из первых уст». Тем более, если эта правда десятилетиями замалчивалась, да так, что возникли напластования лжи и домыслов.

— Я как-то получил письмо, автор которого утверждала, что детство свое я провел в добрых дедушкиных руках. Она, мол, этому была свидетелем. Но мне, я считаю, все-таки виднее, как я провел детство...

— А в самом деле, часто вы общались с дедом!

— Родился я в сорок первом, так что, сами понимаете, Сталину было не до общения с внуками. К тому же теплых родственных чувств он ни к кому не питал.

— А хоть видели деда!

— Пару раз — на трибуне Мавзолея, во время парада. Последний раз — уже в гробу.

— А фамилию Сталин вы носили!

— Мне было четыре года, когда нас с мамой разлучили. Отец забрал меня и сестру к себе и восемь лет не отдавал матери. Тогда я носил фамилию мачехи. Мама, конечно, добивалась справедливости, писала Ворошилову, и нас, наконец-то, ей отдали. Когда я получил паспорт, взял мамину фамилию. А фамилию деда никогда не стремился носить.

— Не секрет, что родственникам «сильных мира сего» фамилия отца или деда нередко пробивает дорогу в жизни. Она — как фундамент будущей карьеры. Вам же, кажется, родственная близость могла только помешать!

— Моя семья сильно отличается от родственников Брежнева. Аллилуевы очень пострадали: часть их расстреляли, часть находилась в лагерях, кое-кто покончил самоубийством. Не хочу распространяться на эту тему: мол, пожалуйста

меня, но это было... Детство мое было трудным, юность прошла нелегко, не дарили мне ни «мерседесов», ни дач, об «открытых счетах» я читал только в газетах... К тому же отца арестовали в 1954 году. Но, к счастью, я встретил в жизни немало в высшей степени порядочных и интеллигентных людей, которым был важен я сам, а не то, что за мною стоит. Я учился в театральном институте у Марии Осиповны Кнебель — великого педагога, глубокого, доброго — и трагического человека. Ее семья пострадала и после революции, и в тридцать седьмом, а саму Марию Осиповну — яркую актрису, одаренного режиссера, соратника Станиславского и Немировича-Данченко — уволили из МХАТа, попросту выгнали. Но у нее хватило такта, сердца, души смотреть на меня просто как на молодого человека, который стремится в театр, и оценивать меня не по анкетным данным, а по моим возможностям и способностям.

— Вы ощутили на себе последствия XX съезда!

— Я всегда относился определенным образом к своему родству, и лично для меня внутренне мало что изменилось. Перемена произошла в людях... Помню, после XX съезда у нас надолго замолчал телефон: думали, что нас расстреляли или посадили, или просто мы превратились в изгоев. Но, как ни странно прозвучат сейчас мои слова, и на «верхних этажах» нашлось немало умных, добрых и чистых людей.

— А как и вам в школе относились ребята, учителя!

— Ребята — народ демократичный, к тому же я никогда себя никому не проти-

вопоставлял, так что повода вступать со мною в конфликт не было. Педагоги, в общем-то, тоже не изменили к нам с сестрой отношения. Правда, из школы, где мы учились, пришлось уйти. Директриса оказалась очень уж ретивой. В пятом классе повели нас в театр. После спектакля в гардеробе я подал пальто девочке, с которой рядом сидел. И, представьте себе, после этого вызвали родителей этой девочки и маминых родителей, обвинив нас в том, что это, мол, не детские отношения.

Родители пытались доказать, что если дети мало-мальски прилично воспитаны, то этому надо только радоваться, но ничего не помогло. Потом учителя написали маме письмо, что нам лучше уйти в другую школу, потому что директор рвется в свои «сферы»... А директрису ту я сейчас не виню: может, она была и неплохим человеком, просто ее одурачили.

— Как вы относитесь к Хрущеву!

— Скорее хорошо, чем плохо... Мне кажется, что человек он был, в общем, неплохой, а дурное в характере шло от недостатка культуры. Между прочим, он был очень дружен с семьей Аллилуевых и даже учился с моей бабушкой — Надеждой Сергеевной — в Командеми. В свое время Хрущев был ярким троцкистом и какое-то время, месяца полтора, скрывался у Надежды Сергеевны, то есть в квартире Сталина. Сам Сталин, конечно, об этом ничего не знал.

К Хрущеву, повторяю, я отношусь хо-ро-шо... Ему не хватало интеллигентности, что,

конечно же, непрослительно для государственного человека, но он не был жесток, не стремился творить зло. В силу нашей сложной обстановки ему пришлось подчиниться статусу власти, а власть очень изменяет человека. Но то, что он сделал хорошего, — незабываемо.

— А ваше отношение к Сталину, насколько оно изменилось в связи с потоком публикаций, хлынувших на страницы печати в последние годы!

— Не могу сказать, что эти публикации меня слишком уж удивили: встречались поразившие, но удивления особого не было. Удивляюсь только наивности, с какой порой руководители утверждают: дескать, ничего не знали. Видимо, выгородили им так сегодня утверждать: я, мол, о преступлениях ничего не знал, хотя и работал в аппарате, но чист, как ангел. Мне кажется, что мы слишком персонализируем исторические явления. Я понимаю, что время сейчас такое и все как бы складывается в «копилокну» Сталина, но Сталин и сталинизм — все же в достаточной степени разные вещи. Сталинизм подчинил себе и Сталина...

Мне не нравится, что очень много появилось «фантазий на тему». Взять хотя бы знаменитую статью Антонова-Овсеенко «Театр Иосифа Сталина». Там есть любопытные, парадоксальные моменты, читать это все очень интересно, но ведь почти все фанты приведены со слов других, есть порой что-то из домыслов, из фантазии. Я-то ведь множество фантазий слышал о Сталине: о его чудачествах, о его жестокости... Большею частью все это было на уровне жесточкого анекдота. Надеюсь, со временем «горячая волна» схлынет и выкристаллизуется истинно.

— А как вы относитесь к «Ненаписанным романам» Юлиана Семенова! Там домысел, фантазия автора принципиально «правят бал»...

— Нелепо отрицать право художника фантазировать на тему любой исторической личности. Но мне все-таки кажется, что для появления истинно художественного произведения, творчески полноценного — особенно на историческую тему — необходимо время. Пока что, когда у многих еще не зажили раны, горячая реакция вполне естественна.

— Что изменилось в вашей жизни в последнее время!

— После «Взгляда», в котором я принимал участие, пришло множество писем. Подавляющее большинство написано с пониманием, даже с сочувствием. Но есть и такие, в которых от меня требуют непременно защищать деда, защищать сталинизм. А вообще не могу сказать, чтобы как-то изменился: возраст не тот...

— Вы довольны тем, как прожили жизнь!

— Наверное, абсолютно удовлетворенных жизнью людей не бывает. Что-то я успел сделать. Я доволен, что учился в театральном вузе: тяга к театру у меня с детства. Стал режиссером. Вот уже 17 лет работаю в Центральном академическом театре Советской Армии, поставил немало спектаклей. Работал с прекрасными актерами. Зритель на мои спектакли, в общем-то, ходит охотно: а что важнее для постановщика!

— А спектакль о Сталине вам не хотелось бы поставить!

— (Решительно и сразу). Нет! С моей стороны это выглядело бы конъюнктурой. Не надо этого делать. Это было бы неинтеллигентно. Мне как-то предложили поставить две или три программы под эгидой «Мемориала», пообещав тысячу пятнадцать за каждую постановку. В чем причина такой щедрости? Оказывается, если я соглашусь, эти программы купят западные страны. Я поинтересовался замыслом. Оказалось, задумано по принципу «словоного пирога»: выступает, к примеру, Юрий Карякин, а следом поет Пугачева; идет рассказ в лагерьях, а после выступает «Бригада С»... Я отказался, хотя живу, как и большинство людей, на зарплату, и деньги мне вовсе не помешали бы. Но... не хочу спекулировать на своем происхождении.

— А как вы относитесь к спектаклям, где по сцене расхаживает человек во френче, с усами и время от времени раскуривает трубку!

— Я был, помнится, в Москве на выставке проектов памятника жертвам репрессий. Один проект меня просто ошеломил: представьте гигантскую фигуру Сталина в сапогах, топчущую... ангелов с лицами Троцкого, Бухарина, Рыкова... Любовый подход не имеет отношения к настоящему искусству. Меня раздражает, что в последнее время пишут о реальных людях и событиях, не имея о них ни малейшего представления. Попалось мне как-то в руки сочинение одного ловкого дремодела «Иосиф и Надежда» (о Сталине и Аллилуевой). Сплошь фантазия и выдумка, притом не лучшего сорта. А ведь пытается автор эту дешевку протолкнуть на московскую сцену. Противно!

Беседу вел
А. ГАЛЯС.

Одесса.

Фото В. Тенякова.